

0

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

по

ПСИХОЛОГІИ.

Архимандрита Теофана Авсенева.

КІЕВЪ.

Въ Типографіи Кіевскаго Губернскаго Управленія.

1869.

Съ разрѣшенія Духовной Цензуры. Кіевъ. 1 іюня 1869 года.

Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

БЮГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Архимандритъ Теофанъ (Петръ Семеновичъ) Авсенева, изъ воспитанниковъ Кіевской Духовной Академіи 6 курса, былъ наставникомъ въ Кіевской Академіи въ началѣ (съ 1833 по 1836 годъ) по классу нѣмецкаго языка, а потомъ (съ 1836 по 1850 годъ) по философіи. При самомъ вступленіи его въ должность наставника философіи, по существовавшему тогда раздѣлу философскихъ наукъ между наличными (тремя) наставниками по кафедрѣ философіи, ему поручено было преподаваніе *психологій*,—и съ этого времени, до самаго конца его педагогической дѣятельности, психологія была постояннымъ, главнымъ и особенно любимымъ предметомъ его ученыхъ и учебныхъ трудовъ и занятій въ Академіи. (Кромѣ психологій, при самомъ же вступленіи его на должность наставника по философіи, ему поручено было еще преподаваніе *исторіи новѣйшей философіи*—начиная съ Канта; а въ 1839 году и *всей вообще новой философіи*—начиная съ Декарта. Наконецъ съ 1845 года, ставши, на мѣсто выбывшаго тогда изъ Академіи профессора философіи протоіерея Скворцова, ординарнымъ профессоромъ философіи, онъ, по собственному побужденію, въ теченіе двухъ послѣднихъ академическихъ курсовъ своихъ, преподавалъ еще и *нравственную философію*).

II

До начала 30 годовъ, по разнымъ причинамъ и обстоятельствамъ, наука о душѣ человеческой—психологія была очень мало или почти совсѣмъ не разработана въ Кіевской Академіи, и въ слѣдствіе этого, не возбуждая въ себѣ надлежащаго вниманія и сочувствія въ студентахъ Академіи, не имѣла почти никакого значенія въ ихъ философскомъ образованіи. Это недостаточное развитіе психологическихъ элементовъ знанія въ ихъ философскомъ образованіи, естественно, неблагопріятнымъ образомъ могло отразиться и на всемъ вообще строѣ и складѣ ихъ умственного развитія. Довольно сильное и крѣпкое въ то время развитіе въ умѣ ихъ чисто раціональныхъ, логическихъ и метафизическихъ элементовъ знанія, не уравновѣшиваемое соотвѣтственно сильнымъ развитіемъ живыхъ и подвижныхъ элементовъ знанія, почерпаемыхъ изъ живаго внутреннего опыта и наблюденія, при дальнѣйшемъ ходѣ и академическаго образованія въ этомъ одностороннемъ направленіи, грозило опасностію наложить на ихъ умѣ суровую печать сухости, жесткости и неподвижной затвердѣлости, словомъ—отвлеченнаго, схоластическаго формализма.... Зоркій и проницательный умъ (новоприбывшаго) ректора Академіи—Иннокентія, внимательно и глубоко всматривавшійся во внутренній строй и ходъ академическаго образованія, скоро замѣтилъ въ немъ этотъ, начинавшій уже развѣваться, недостатокъ и, понявъ одну изъ причинъ его, тотчасъ же принялъ мѣры къ его устранинію. По инициативѣ его, въ слѣдствіе представленія академическаго Правленія, въ видахъ болѣе широкаго и жизненнаго развитія философскаго мышленія и образованія въ Академіи, въ 1833 году опредѣлено было на философскую кафедру при Академіи, для преподаванія психологіи, назначить особеннаго (третьяго) наставника. Но первые наставники Академіи (отъ 1833 до 1836 г.), которымъ поручаемо было специально преподаваніе психологіи (В. Н. Карповъ и О. М. Новицкій) за кратковременномъ

III

службою своею при Академіи, не могли существенно и глубоко измѣнить въ лучшему прежнее положеніе этого дѣла; едва успѣвъ надлежащимъ образомъ осмотрѣться во вѣренной имъ для возбужденія умственной области, они тотчасъ же оставляли свою службу при Кіевской Академіи, чтобы высокія умственные дарованія свои и силы посвятить на обработку и преподаваніе психологіи въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—одинъ въ С.-Петербургской Дух. Академіи, а другой—въ Кіевскомъ Университетѣ св. Владиміра. Не маловажное дѣло надлежащей научной постановки и плодотворнаго развитія психологіи въ Кіевской Академіи предоставлено было историческимъ ходомъ вещей преемнику ихъ, П. С. Авсеневу,—и онъ, посвятивъ на служеніе ему большую и лучшую часть умственныхъ своихъ силъ, достойнымъ образомъ, въ мѣру своего разумѣнія и силъ, выполнилъ эту, возложенную на него исторією академическаго образованія, задачу, возбудивъ въ студентахъ Академіи живѣйшій интересъ къ наукѣ о душѣ человѣческой и заслуживъ, многолѣтнею и плодотворною педагогическою дѣятельностію своею, добрую и признательную память Академіи, какъ *основатель психологіи въ Кіевской Академіи*.

Поступивъ въ 1836 году на кафедру психологіи, проф. Авсенавъ поставилъ себѣ задачею—поднять довольно низко стоявшій уровень преподаванія ея въ Академіи до высоты современнаго ему состоянія этой науки въ Европѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить преподаванію ея такое направленіе, которое бы, удовлетворяя общимъ научнымъ требованіямъ, въ тоже время вполне соответствовало высокимъ цѣлямъ и духу академическаго образованія. Задача эта, по необработанному состоянію психологіи въ Академіи, была далеко не легкая; но отъ природы расположенный къ самоуглубленію и самоиспытанію, и довольно уже подготовленный къ этому дѣлу, какъ всѣмъ вообще предъидущимъ ходомъ и направленіемъ своего умственного, се-

минарскаго и академическаго, образованія, такъ особенно и самостоятельными занятіями въ теченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ, непосредственно предшествующихъ поступленію его на кафедру психологіи, молодой профессоръ, съ первыхъ же шаговъ, показавъ, что онъ не падетъ подъ тяжестью этой задачи.

Для выполненія первой половины этой задачи необходимо было основательное изученіе психологіи въ современномъ ея состояніи и историческомъ развитіи, въ связи съ другими—естественными и антропологическими науками... Обширная психологическая литература Германіи, Англіи и Франціи представляла ему обильный и разнообразный матеріалъ для изученія, — и онъ съ такою ревностію принялся за изученіе его, что, можно бы сказать безъ преувеличенія, не было ни одного сколько нибудь замѣчательнаго сочиненія, относящагося къ психологіи, за три послѣдніе вѣка, котораго бы онъ—въ подлинникѣ или переводѣ—не прочиталъ (или съ содержаніемъ котораго не ознакомился изъ другихъ сочиненій). Не удовольствовавшись однако изученіемъ психологической литературы новаго времени, онъ перешелъ за тѣмъ къ изученію твореній, относящихся къ ученію о душѣ, древнихъ писателей классическаго и христіанскаго міра, при чемъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливался на ученіи о душѣ человѣческой св. Отцевъ Церкви, и, простираясь такимъ образомъ далѣе и далѣе, къ самымъ первымъ начаткамъ науки о душѣ человѣческой, старался, на сколько то позволяли ему научныя средства, проникнуть даже въ первобытную, мистическую мудрость древнихъ восточныхъ народовъ. Наконецъ, такъ какъ психологія, и по самому свойству своего предмета, состоитъ въ соотношеніи, и по научному способу обработки ея въ послѣдніе два вѣка поставлена въ тѣсной связи и взаимодѣйствіи со многими другими науками—о природѣ и духѣ человѣческомъ, то очень и очень не малую часть времени онъ посвятилъ на болѣе или менѣе осно-

вательное изученіе и этихъ, состоящихъ въ связи съ психологіею, наукъ.—Начитанность его вообще была необыкновенно велика, а жажда чтенія—неутолима.

Это обширное и многостороннее изученіе психологій въ ея современномъ состояніи и историческомъ развитіи, въ связи съ другими—естественными и антропологическими—науками, расширивъ взглядъ его на ея содержаніе, обогативъ его умъ многоразличными свѣденіями и теоріями, дало ему возможность расширить довольно узкія до того времени границы психологій и поставить ее на болѣе широкомъ основаніи не только внутренняго, но и внѣшняго опыта—такъ, что, углубляясь корнями своими во глубину самосознающаго и самочувствующаго духа, въ дальнѣйшихъ развѣтвленіяхъ своихъ она соприкасалась въ различныхъ степеняхъ со всѣми почти отраслями человѣческаго знанія и, заключая въ себѣ первые, основные элементы всѣхъ наукъ, служила имъ связію и корнемъ;—а съ тѣмъ вмѣстѣ, въ способѣ ея преподаванія, положительное изложеніе ея содержанія, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ, соединить съ болѣе или менѣе обширнымъ историческимъ обзоромъ различныхъ древнихъ и новыхъ психологическихъ теорій.... Такимъ образомъ широкая постановка науки о духѣ человѣческомъ, богатство и разнообразіе свѣденій, относящихся къ природѣ человѣческой въ ея естественномъ и бытовомъ состояніяхъ, и наконецъ историческая метода изложенія науки, знакомящая съ литературою ея, какъ въ цѣломъ ея объемѣ, такъ и по отношенію къ частнымъ ея вопросамъ—вотъ первыя качества, кои обнаружили въ его чтеніяхъ по психологій, и коими онъ обратилъ на эту науку любознательное вниманіе студентовъ Академіи.

Но читая и изучая многочисленныя и многоразличныя сочиненія древнихъ и новыхъ писателей, болѣе или менѣе близко относящіяся къ предмету его науки, проф. Авсенева отнюдь

однакоже не относился ко всемъ имъ съ одинаковымъ, такъ сказать, безпристрастіемъ; это, какъ говорится, чисто объективное, совершенно безстрастное и холодное отношеніе ума къ предмету его изученія, при которомъ ясный и ничѣмъ не волнующій умъ имѣетъ въ виду понять одну только голую дѣйствительность предлагающаго его взору предмета, тщательно стараясь (посредствомъ критики) очистить свои представленія и сужденія отъ всякой примѣси чувствованій,—было вообще не въ духѣ проф. Авсенева. Съ широко развитою въ немъ *умственной восприимлемостію* и удобоподвижною мысли, въ силу которой умъ его, повидимому, легко могъ становиться на разныя точки зрѣнія и входить въ пониманіе различныхъ до противоположностей настроеній и теченій мысли, въ духовной природѣ его соединена была въ то же время не менѣе сильно и глубоко развитая (но не говоримъ умственная самостоятельность и твердость), нѣкая *духовная своеобразность*, основывающаяся на особенномъ строѣ и складѣ его духовной организаціи,—своеобразность въ силу которой умъ его способный, *повидимому*, легко и скоро воспринимать и понимать многое,—*дѣйствительнымъ* образомъ усваивъ себѣ только то, что соответствовало своеобразному духовному настроенію его.—И именно: въ душѣ его особенно сильно развита была та внутреннѣйшая, глубочайшая, задушевная сторона духа, которая известна подъ именемъ силы чувствованій или сердца (а въ сердцѣ его особенно сильно возбужденны и развиты были испія чувствованія духа къ безконечному и прекрасному, чувствованія религіозныя и эстетическія, въ многоразличныхъ формахъ и видоизмѣненіяхъ ихъ). Въ силу высокаго и, можно сказать, преобладающаго развитія въ немъ этой стороны духа и умъ его, во всѣхъ своихъ важнѣйшихъ отправленіяхъ, дѣйствовалъ большею частію подъ сильнымъ вліяніемъ его сердца: подъ вліяніемъ сердечныхъ чувствованій онъ составлялъ и по-

VII

нятія, сводя многообразіє данихъ представленій какого либо предмета къ единству того представленія, или признака, который особенно сильно подѣйствовалъ на его чувство; чувствованіями же сердца онъ руководился большею частію и при образованіи сужденій, отбѣивая предметы по качеству тѣхъ чувствованій, какія они возбуждали въ немъ; по внушеніямъ же и указаніямъ чувства онъ двигался и по пути умозаключеній, довѣряясь его инстинктивному чутью и догадкѣ.... Наконецъ подъ господствующимъ вліяніемъ сердечныхъ же чувствованій составлялись имъ и идеалы знанія, науки и истины: истина являлась ему въ образѣ красоты, наука въ формѣ художественнаго, гармонически сочлененнаго цѣлаго, знаніе—въ формѣ непосредственнаго внутренняго созерцанія и т. д. Словомъ—онъ мыслить и любилъ мыслить болѣе сердцемъ, чѣмъ головою, болѣе чувствомъ (и воображеніемъ), чѣмъ разсудкомъ; да и довѣрялъ и довѣрялся болѣе непосредственному чутью, чѣмъ ясному анализу, болѣе цѣлостному созерцательному движенію мысли, чѣмъ разчлененному на части логическому доказательству. Въ силу этого-то строя духовныхъ силъ своихъ, изучая многообразныя психологическія теоріи древнихъ и новыхъ мыслителей—психологовъ, онъ дѣйствительно усвоилъ уму своему только тѣ изъ нихъ, коимъ *сочувствовало его сердце*,—кои удовлетворяли (болѣе или менѣе) религіознымъ и эстетическимъ интересамъ духа, болѣе или менѣе его религіозно-эстетически настроенному уму; но за то, что онъ усвоилъ себѣ такимъ образомъ по внушенію своего чувства, того и держался всею силою сердца... Такимъ образомъ, изъ древнихъ психологическихкихъ теорій онъ особеннымъ сочувствіемъ и расположеніемъ пользовались возвышенныя, нравственно-религіозныя и поэтическія идеи о природѣ и жизни души человеческой Платона, а еще большимъ сочувствіемъ—высprenія, мистико-религіозныя созерцанія Плотина; изъ твореній св. Отцевъ Церкви,

VIII

изображающихъ природу и жизнь души человѣческой—самое глубокое и можно сказать благоговѣйное сочувствіе возбуждали въ немъ высокосозерцательныя творенія Макарія Египетскаго, Исаака Сирина; изъ сочиненій средневѣковыхъ мыслителей ему особенно сочувственны были, если не по формѣ изложенія, то основнымъ идеямъ, характеру и направленію мышленія, мистическія сочиненія Якова Бѣма; изъ новѣйшихъ психологическихъ теорій ему особенно сочувственны были теоріи, составленныя подъ вліяніемъ идей Шеллинговой философіи, которая болѣе чѣмъ всѣ другія, древнія и новыя философскія міросозерцанія, особенно во второй и послѣдней фазѣ ея развитія, когда она приняла мистико-религіозное направленіе, такъ глубоко сочувственное, повидимому, христіанской вѣрѣ, были ему по сердцу ¹⁾. Изъ психологическихъ теорій, построенныхъ на началахъ и по идеямъ Шеллинговой философіи, ни одна теорія такъ цѣлостно и всесторонне не соотвѣтствовала его духовному настроенію, такъ полно не удовлетворяла всѣмъ научнымъ, религіознымъ и эстетическимъ требованіямъ его духа, какъ

¹⁾ Эта великолѣпная, творческимъ гениемъ созерцательной мысли построенная философія, которой, вообще говоря, суждено было имѣть довольно сильное и глубокое образовательное вліяніе на многіе, лучшіе и благороднѣйшіе умы въ нашемъ отечествѣ, въ первой и началѣ второй четверти настоящаго вѣка, въ томъ видѣ, въ какомъ она развиваема была, въ приложеніи къ наукамъ о природѣ и духѣ человѣческомъ, послѣдователями Шеллинга—Океномъ, Карусомъ, а преимущественно тѣми изъ нихъ, кои принадлежали къ такъ называемой *мистически-религіозной фракціи* его многочисленной школы, Баадеромъ, Стеффенсомъ, Шубертомъ, Гёрресомъ... и проч.—имѣла вообще очень сильное и обширное вліяніе на все умственное развитіе проф. Авсенева. Первое предрасположеніе его къ ней отозвалось безсознательно, по всей вѣроятности, еще въ бытность его въ Воронежской семинаріи, гдѣ, въ то время, еще довольно живо и сильно было впечатлѣніе, произведенное тамъ извѣстнымъ шеллингистомъ Захарьинымъ; а въ Академіи, гдѣ онъ въ студенчествѣ съ особенною любовью изучалъ сочиненія Шеллинга, перешло въ *сознательное расположеніе*. Въ періодъ времени, предшествующій избранію его на кафедру психологій, это расположеніе уже совсѣмъ развилось и окрепло въ немъ...

IX

теорія души Шуберта. Глубоко-религіозное и глубокомысленное воззрѣніе ея на природу и сущность души человѣческой, ея происхожденіе, временную жизнь и вѣчное назначеніе, систематически стройное и симметрически художественное построеніе въ цѣломъ и частяхъ, одушевленный и поэтически образный языкъ,—все въ этой системѣ соединено было такъ, что при первомъ знакомствѣ съ нею молодого Авсенева, она подѣйствовала на его религіозно-эстетически настроенный умъ какъ бы магически, т. е. совершенно очаровала и плѣнила его умъ, такъ, что, въ первые годы его профессуры, научныя движенія его мысли, сознательно или безсознательно, вращались въ кругѣ, ею очертанномъ, и въ направленіи, указываемомъ ея началами, и только изрѣдка, по временамъ, когда запутывались въ какихъ либо неопредѣленныхъ, туманныхъ или призрачныхъ представленіяхъ, освѣщались лучами свѣта, идущими изъ другихъ, высшихъ и болѣе свѣтлыхъ сферъ. Поэтому, безъ колебаній онъ и избралъ ее въ *руководство* для себя, по преподаванію психологій въ Академіи. Онъ былъ вполне увѣренъ, что эта психологическая теорія, какъ по направленію и характеру, такъ и по своему содержанію, будетъ вполне соответствовать и цѣлямъ и духу академическаго образованія. Ему казалось, она придетъ по сердцу Академіи, какъ пришла къ нему самому ¹⁾. И такъ какъ онъ принялъ Шубертовскую теорію души

¹⁾ Ему приходилось, однакожъ, довольно горькимъ опытомъ дознавать, что это соответствіе принятой имъ въ руководство психологической системы далеко не такъ полно, какъ онъ воображалъ, а, въ послѣдствіи времени, и самому подмѣчать и отерывать въ ней нѣкоторые болѣе или менѣе важные недостатки: но ни эти опыты, ни эти открытія не измѣнили въ немъ существенно высокаго мнѣнія объ избранномъ имъ руководствѣ въ дѣлѣ преподаванія психологій. Такъ, уже при самомъ концѣ педагогической своей дѣятельности въ Академіи, въ 1850 году, составляя, по порученію академической Конференціи, программу психологій для университетовъ и указывая въ ней различныя учебныя пособія для преподаванія, онъ писалъ, между прочимъ, слѣдующія слова: «*наилучшая изъ психоло-*

съ сердечнымъ убѣжденіемъ въ ея вѣроятности, то, особенно въ первые годы, и проповѣдывалъ ее съ каедръ со всеми признаками человѣка убѣжденнаго, съ жаромъ и одушевленіемъ, какъ истину.

Такъ, положи руку на сердце, профессоръ Авсаневъ порѣшилъ, на первый разъ, и эту вторую половину своей педагогической задачи, — и это первое рѣшеніе его имѣло существенное вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ его ученой и педагогической дѣятельности.

Въ послѣдствіи времени, при болѣе охлажденномъ лѣтами и опытами размысленіи, при болѣе широкомъ и глубокомъ изученіи психологій въ ея современномъ состояніи и историческомъ развитіи и при большей умственной и нравственной зрѣлости и опытности, онъ началъ, однакожъ, мало-по-малу, все яснѣе и яснѣе сознавать многіе болѣе или менѣе важные недостатки этой психологической теоріи, какъ въ основныхъ идеяхъ ея о природѣ души человѣческой, такъ и въ способѣ ея построенія. Главнѣйшіе недостатки Шубертовой теоріи души, по его сознанію, состояли, какъ онъ пишетъ въ одномъ мѣстѣ, «въ томъ, что 1) его идеи о душѣ тѣсно связаны съ его общимъ натуралистическимъ міровоззрѣніемъ, въ которомъ есть много представленій темныхъ и невѣрныхъ, какъ, напр. о душѣ міра, и во 2-хъ въ томъ, что его психологическая теорія построена и изложена чисто синтетическимъ методомъ и чужда всякаго анализа». Очистить основныя идеи Шуберта о существѣ души человѣческой, ея происхожденіи и назначеніи, отъ приросшей къ нимъ примѣси не совсѣмъ чистыхъ представле-

ній, по чисто христіанскому направленію духа, по глубинѣ и свѣтлости взглядовъ, по систематической стройности изложенія и по чрезвычайному богатству опыта и матеріала есть, безъ сомнѣнія, «Шуберта Исторія души». Шубертъ вообще можетъ служить благонадежнѣйшимъ руководителемъ въ преподаваніи психологій.

ній Шеллинговой натурал. философіи, и ввести въ развитіе и изложеніе ихъ методу аналитическую—и составляло главную задачу его дальнейшей педагогической дѣятельности. Такимъ образомъ, съ 40 годовъ, частію подъ вліяніемъ родственныхъ Шуберту, по духу и школѣ, психологовъ и философовъ (Гейнротъ, Эшениайера и Баадера), а гораздо болѣе подъ вліяніемъ высшаго свѣта Божественнаго откровенія (изученіемъ котораго, въ это время, онъ специально занимался) и просвѣтительнаго вліянія писаній св. Отцевъ Церкви, въ немъ, мало по-малу, сложилось и развилось его собственное, болѣе или менѣе самостоятельное, глубокомысленное и глубоко-религіозное воззрѣніе на природу и жизнь души человѣческой, которое, съ 1845 года, онъ и развивалъ, въ послѣдніе академическіе курсы свои, предъ своими слушателями, и которое, одушевляя и проникая всѣ его психологическія чтенія своимъ высокимъ христіанскимъ духомъ и направленіемъ, сообщило имъ высокую цѣну и достоинство....

Что же касается до второй половины задачи—до устранения въ психологіи методологическаго недостатка, имъ замѣченнаго, то, не смотря на неоднократныя, довольно, впрочемъ, слабыя попытки его ввести въ изложеніе науки о душѣ, вѣсто синтетической, аналитическую методу, въ слѣдствіе ли то трудности—бороться съ старыми укоренившимися привычками въ синтетическимъ построеніямъ и свыкаться съ новыми приѣмами анализа, или же въ слѣдствіе не совѣтъ яснаго и полнаго сознанія недостатковъ въ первой и требованій второй методы—этотъ недостатокъ не былъ устраненъ имъ изъ психологіи. Какъ съ самаго начала, такъ и до самаго конца его педагогической дѣятельности, онъ излагалъ науку о душѣ человѣческой, главнымъ и почти исключительнымъ образомъ, методою синтетическою, начиная изложеніе съ самыхъ общихъ и основныхъ понятій о природѣ и сущности души человѣческой,

утверждающихся на всеобщемъ религіозно-философскомъ его міросозерцаніи, и за тѣмъ, послѣдовательно развивая и проясняя ихъ въ приложеніи къ различнымъ видамъ и формамъ душевной жизни. Построемая и излагаемая имъ такимъ образомъ психологія, хотя она и носила обыкновенно названіе *опытной*, была, однакожъ, въ существѣ дѣла, отнюдь не опытною, основанною на фактахъ *наукою*, а *умозрительною* теорією, основанною на философскихъ началахъ, — или, если угодно, — это была не *наука* — (Science), а *философія* духа, — и философія, прибавимъ, сколько глубоко-религіозна, столько же и глубокомысленная...

Можетъ быть, духу нашего времени, довольно охладѣвшаго къ философскимъ умозрѣніямъ, вообще, такая научная постановка психологіи показалась бы не совсѣмъ научною, можетъ быть, въ наше время, съ его, повидимому, болѣе умѣренными и ограниченными научными стремленіями, потребовали бы, чтобы наука о природѣ и жизни души человѣческой поставлена была на болѣе низкомъ, но болѣе прочномъ основаніи доступныхъ наблюденію фактовъ внутренняго и внѣшняго опыта и развиваема была методомъ аналитическою, по всѣмъ правиламъ строго научнаго изслѣдованія, не выходя за предѣлы опыта, а къ умозрительной психологіи отнесли бы, чего добраго, и несочувственно. Но духъ того недалекаго отъ насъ времени, для котораго предназначалась эта глубокомысленная и возвышенная, по своимъ стремленіямъ и идеямъ, философская теорія души, былъ далеко не похожъ на духъ нашего времени. Это было такое время, когда и въ Европѣ, и въ нашемъ отечествѣ, во всѣхъ почти мыслящихъ кругахъ, а особенно въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ вообще, а въ нашей кіевской академіи въ частности — было довольно сильно возбуждено и развито стремленіе ума къ возвышеннымъ, идеальнымъ сферамъ мысли, къ

XIII

метафизическимъ умозрѣніямъ и чисто мысленнымъ построеніямъ дѣйствительности, словомъ, къ философской созерцательности. При томъ умственномъ настроеніи, какое господствовало въ студентахъ нашей Академіи, въ 30-хъ и 40-выхъ годахъ, эта глубокомысленная, стройно и послѣдовательно развиваемая философская теорія духа, именно этимъ философскимъ направленіемъ своимъ, и возбуждала въ студентахъ Академіи тѣмъ большее сочувствіе, что она всецѣло проникнута была, въ то же время, глубокимъ религіознымъ духомъ.

Если мы присоединимъ къ сказанному, что, излагая эту теорію своимъ слушателямъ, профессоръ Авсеновъ передавалъ ея идеи со всѣми признаками полного и искренняго своего убѣжденія въ ихъ истинѣ, съ искреннимъ, сердечнымъ желаніемъ подѣлиться съ ними своими задушевными взглядами и убѣжденіями,—что онъ старался сообщить своимъ мыслямъ, по возможности, поэтически-художественное выраженіе, приносилъ свои лекціи съ одушевленіемъ, задушевымъ и люющимъ въ душу, симпатическимъ голосомъ, всѣми чертами лица своего выражая желаніе вступить съ ними въ полное духовное общеніе мыслей и чувствованій: то намъ становится совершенно понятнымъ, почему и чѣмъ его психологическія лекціи производили на большую часть студентовъ Академіи глубокое впечатлѣніе, многихъ восхищали и увлекали, и всѣхъ интересовали.

Впрочемъ, мы имѣемъ основаніе думать и надѣяться, что эта прекрасная философская теорія духа человѣческаго, какъ глубоко-религіозная, такъ и глубокомысленная, интересна не только какъ памятникъ прошедшаго времени, но и въ наше время могла бы проложить себѣ путь къ уму и сердцу многихъ любителей самопознанія, если бы приведены были въ общую извѣстность всѣ письменные ея памятники.